

Архимандрит Савва
(Мажуко)

АПЕЛЬСИНОВЫЕ СВЯТЫЕ

*Записки
православного
оптимиста*

Православный бестселлер

архимандрит Савва (Мажуко)

**Апельсиновые святые. Записки
православного оптимиста**

«РИПОЛ Классик»

2016

УДК 281.93
ББК 86.372

(Мажуко) а.

Апельсиновые святые. Записки православного оптимиста /
а. (Мажуко) — «РИПОЛ Классик», 2016 — (Православный
бестселлер)

ISBN 978-5-386-09335-8

Новая книга архимандрита Саввы (Мажуко) – прекрасный пример того, что православное христианство не только терпит, но и само порождает добрую улыбку, глубокую философию, изысканную поэзию слов и поступков. Отец Савва пишет о радости и свободе идти вслед за Христом, о счастье быть Божиим творением, о красоте монашества, о затхлости греха, об утренней свежести Евангелия!

УДК 281.93
ББК 86.372

ISBN 978-5-386-09335-8

© (Мажуко) а., 2016
© РИПОЛ Классик, 2016

Содержание

От издательства	6
Часть 1	7
Плач по умершему	7
Пастырь детей и деревьев	11
Зачем мы крестим детей?	14
Бегство от Спасителя	19
Апельсиновые святые	23
Счастливые постов не наблюдают	25
Подушка для святого	29
Женщина и власть	33
Епископы и левиафаны	37
Без права на злословие	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Архимандрит Савва (Мажуко)
Апельсиновые святыи
Записки православного оптимиста

© Мажуко Д. И., текст, 2016

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

* * *

От издательства

Архимандрит Саввы (Мажуко), насельник Свято-Никольского монастыря в городе Гомеле, – замечательный белорусский писатель. Он одинаково свободно говорит о религии, политике и культуре, о нашей жизни, не навязывая, но аргументируя свое мнение. Он не дает готовых ответов, но приглашает к размышлению, напоминает читателю о главном: Спаситель любит нас, любит всех людей и лично – тебя! Творчество отца Саввы ведет читателя к осознанию важнейшего в миропонимании: Бог – есть жизнь, жизнь – величайший дар Бога нам, жизнь – всегда прекрасна.

Глубокая, ясная, очень оптимистичная и сердечная проза архимандрита Саввы – редкость для современной православной литературы. «Будучи опытным оратором, он знает, когда рассказать житейскую историю, а когда – процитировать Священное Писание и сказать важные слова. У начитанного и мудрого (с чувством юмора и меры) отца Саввы хочется учиться правильно относиться к жизни» («Литературная Россия»).

Часть 1

Непридуманнные рассказы

«Книгу читай поутру с четверть часа до работы, а потом целый день думай, что читал».

Преподобный Амвросий Оптинский

Плач по умершему

Старые люди не боялись боли. Они ее не искали, но уж если надо было что-то испытать, вынести, пережить, шли спокойно, с достоинством. Не прятались. И перед смертью не робели. Говорили о ней без страха.

– Вы меня глубоко не закапывайте. Как Господь позовет, чтоб я с могилы встала, отряхнулась и на Суд пошла.

Так одна старушка говорила. Из глухой белорусской деревни. А моя бабушка повторяла гомельское присловье:

– Помирать – день терять.

А чего смерти бояться? Все умрем. Столько хороших людей уже умерло, что и нам не грех в могилу лечь.

Комфорт и безопасность изменили нас. Порог боли и чувствительности современного человека сильно отличает нас от наших даже ближайших предков, и в этом нет ничего плохого, я и сам каждое утро восхищаюсь чудом горячей воды и благодарю Бога за свет и тепло. Но мы другие. Защитив себя и обезопасив жизни свои, кое в чем мы сделались более уязвимыми, а порой и беззащитными. Факт смертности – нашей и наших близких – мы теперь переносим куда тяжелее и болезненней, нежели наши прадеды.

В старину человека с детства приучали к мысли, что ему придется похоронить родителей. И молодые люди знали, что доведется не просто переживать утрату родителей, но именно – похоронить и сделать это красиво и правильно. А еще было чудесное слово «досмотреть», и достоинство детей оценивалось по тому, как они утешают своих умирающих близких, как успокаивают их угасающую старость. Подумайте: с детства к этому готовили. Не боялись детей испугать или шокировать. Как готовили? Говорили о смерти спокойно, как о чем-то естественном, не смягчая ее трагичности, не ввали себе и детям, не прятались от нее. Старики собирали себе на смерть, готовили рубахи и платки – в чем в гроб положат, не боялись часто причащаться, не пугались писать завещаний и – плакали, конечно же, плакали – как же без этого? Кому же охота помирать? Столько дел! Столько работы! Но плач этот был *правильным*, он разрешался в особый ритуал, обряд – горе избывалось, обряжаясь в погребальные обычаи и традиции.

Приготовление Иисуса к погребению. 1894. Худ. Николай Кошелев

И не только к смерти родителей готовили от юности. Муж и жена – скорее всего кто-то пойдет к Богу раньше, и уже во время венчания люди учились разлуке. Не ведая того, наши предки приучали своих детей к одному из самых изящных духовных упражнений. Покойный Сенека, наставник умирания, советовал своим ученикам: «Нам надо постоянно думать о том, что смертны и мы и любимые нами» (*Письма*, 63,15). Думать – постоянно. Пребывать в памяти смертной. Не давать суете и малодушию спрятать от нас трагичности мира. Но Сенека говорит не просто о памяти смертной вообще, об отстраненном созерцании космического закона. Это созерцание конкретно. Философ призывал к перемене самого фокуса «смертельного созерцания». Верующих часто, иногда – справедливо, укоряют в эгоизме. В созерцании *своей* финальности действительно есть нечто эгоцентричное. Но в том, что умру я – нет еще большой трагедии. Порой смерти ждешь, как избавления, отрады. Но – умрут любимые мною люди. Вот это по-настоящему ужасно. Мир полон боли, несчастий, болезней, но быть живым – это так хорошо. Когда Софокл устами одного из своих персонажей говорит «высший дар – нерожденным быть» (*Эдип в Колоне*, 1225), слушателя и читателя пронизывает космический холод, мурашки бегут по коже, одолевает и парализует благородная метафизическая тоска – до чего эпично, глубоко, красиво! И лишь истрезвившись от этой античной стужи, начинаешь понимать ложь этих слов. Да, ко мне, непомерно эстетствующему эгоисту, эта фраза подойдет, но разве я бы хотел, чтобы никогда на свет не появился

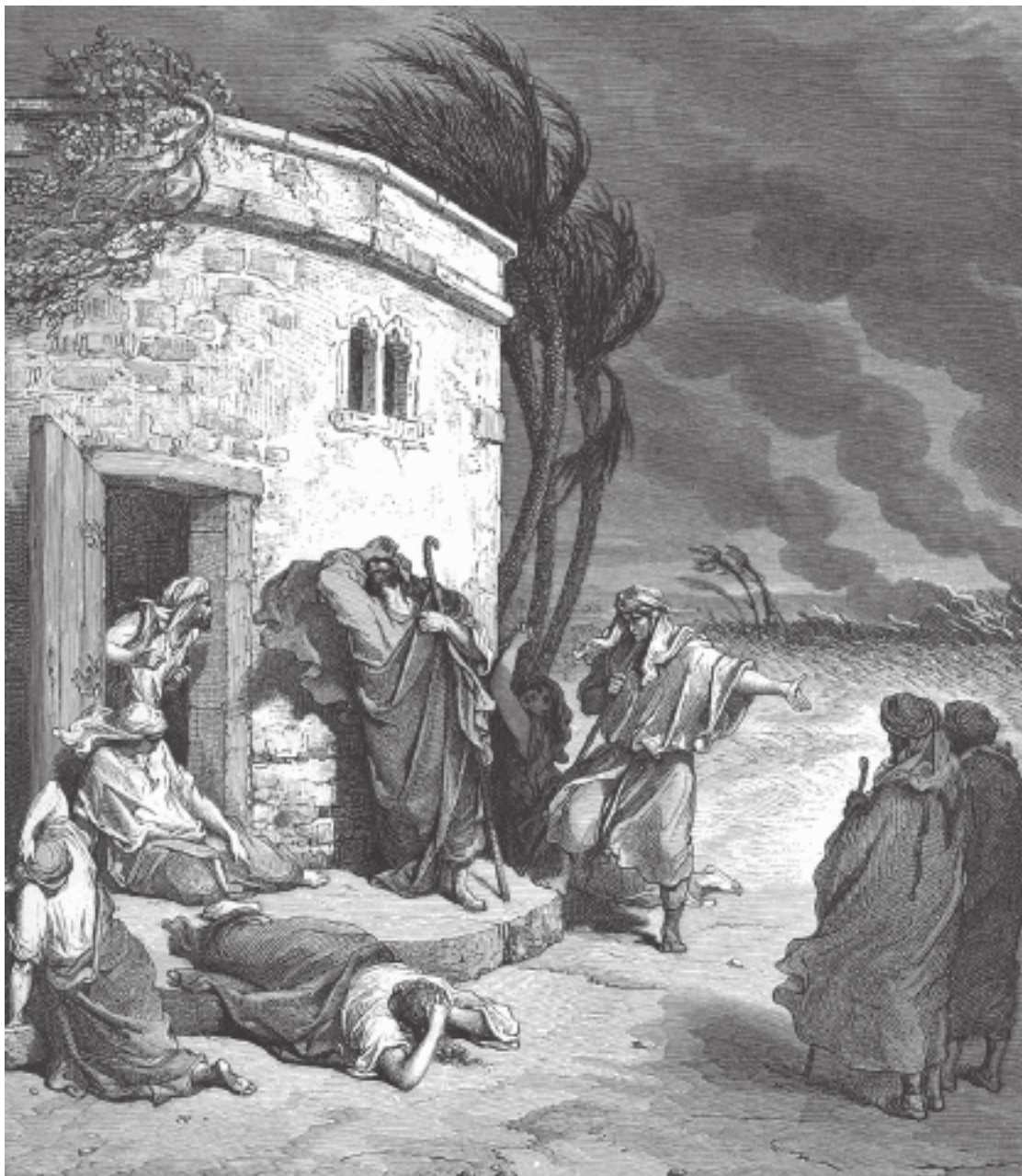
мой ясноглазый племянник или веселые братики, моя мама, мои добрые и терпеливые друзья, разве было бы хорошо, если бы *они* никогда не родились? Да, мир полон боли, горя, потерь, но эти люди – украшение человечества, вместе с ними даже в этот больной мир вошли и смысл и радость, и сквозь горе мы все же радуемся, что кто-то славный побыл на этом свете пусть даже совсем чуть-чуть. Но как же больно от мысли, что однажды им всем придется умереть.

«Человек начинается с плача по умершему». Так говорил покойный Мераб Мамардашвили. Не с плача по себе умершему или умирающему начинается человек, а с принятия и *избытия* смерти своих любимых. Этому плачу в хороших семьях приобщали с детства – чтобы человек в ребенке проснулся как можно раньше, чтобы через мужественное принятие смертности своей и своих любимых с первых дней своей жизни научиться принимать, благословлять этот мир и – сопротивляться ему. Все наши близкие и друзья, любимые и хорошие – это люди, которых мы однажды потеряем. А еще – это люди, которые потеряют нас.

Однако «плач по умершему» это не просто красивый образ или стерильное духовное упражнение. У нас есть религия. Она учит нас правильному плачу по умершему, целетельному плачу. Когда я только начинал служить священником, меня всегда смущали наши белорусские похороны: «профессиональные» плакальщицы, сложнейшие и разнообразнейшие ритуалы, особый панихидный распев и завывательная манера исполнять песнопения и потребность на грани одержимости «адправить пакойника» (помолиться за покойного) «як след» (как положено). Потом я понял, как же важен этот вой, эти эпические слезы, «лишние» обряды. Это – Белоруссия. Здесь было так много горя. В войну белорусы потеряли каждого четвертого, и, может быть, перенести нам все эти беды и помогла способность хоронить «как положено». Не надо льстить себе: мы всего лишь люди – сколько бы вы ни знали языков, какую бы изысканную литературу ни читали, горе и боль, слезы и утраты у нас у всех – человеческие. И эту боль надо уметь выплакать, провыть, прокричать. Смерть – всегда не вовремя. Смерть застает нас врасплох. И нам нужно не только умом, но и самой кожей избыть это горе. Даже распоследние материалисты это если не понимали, то чувствовали, изобретая гражданские панихиды и пресные минуты молчания. А в церкви – дым кадила, чтение бесконечных поминальных записок, столы с приношениями и запечатанная земля, и как запоют «Со святыми упокой», подхватит вся церковь этот скорбно-торжественный мотив, а потом разрешится в мужественный и трагичный мажор икоса восьмого гласа – «Сам Един еси Бессмертный, сотворивый и со-здавый человека». Выкричатся нам надо, пропеть, простонать сквозь слезы и благодарную грусть. И интеллигентнейшая из русских женщин в минуту боли и утраты могла написать:

«Буду я, как стрелецкие жёнки,
Под кремлевскими башнями выть»
(А. А. Ахматова).

Современного человека, и прежде всего ребенка, подростка, со всех сторон ограждают от смерти, от самого факта и упоминания. Но ведь однажды ему предстоит проводить своих родителей в последний путь, и сделать он это должен «как следует». Религия есть некая культурная оформленность предельного человеческого опыта. Она дает не просто некий эмоциональный антидот, противоядие от чрезмерного потрясения, сознания необратимости, но само исполнение ритуала избывает скорбь, потому что кричим мы, плачемся Богу-Человеколюбцу, Утешителю сирот и смертников. И Он не дает нам ответов, как и пытливого Иова. Он не уговорил, а только утешил – как? – не знаем ни мы, ни Иов. Дети, выросшие в семьях без подлинной религиозной традиции, более уязвимы, они беззащитны перед смертью, их не приучают с детства *правильно* переживать и осмыслять смерть и близких, и свою собственную.

Иов узнает о своих несчастьях. XIX в. Худ. Густав Доре

Наши панихиды, родительские субботы, грозные обряды, кутья, записочки и сорокоусты могут показаться ненужным усложнением, недостойным благородной евангельской истины. Но стоит ли от этого отказываться перед лицом всех наших утрат бывших и – непременно – будущих? А потому, смертнички мои, положу я в кадило побольше ладану и затяну длинную и громкую белорусскую панихиду, чтобы и живые и мертвые услышали и утешились скорой грядущей встречей.

Пастырь детей и деревьев

Какое это, должно быть, счастье – знать деревья по именам. Священный мир растений поименован, назван, озвучен, и прозвища деревьев, имена цветов звучат благородно и чарующе. Когда из томика Вергилия вдруг «прорастают» низкорослые тамариски, волшебные цветы колокассий с акинфом веселым, а рядом вьется аммом ассирийский, кажется, что пьешь свежайший ароматный напиток, так звучат эти имена. А для меня это еще и невиданные цветы, – я только слышал их чудесные голоса и полюбил их заочно. Гомер был слепцом, но и он трепетал и преклонялся перед всем прекрасным, благоговейно поминая луг асфodelий или волшебное растение *моли*, спасшее Одиссея от магии капризной нимфы. Имена деревьев и цветов не были просто красивым звуком, они будили аромат, воскрешали шелест листьев, ложились в руку неповторимым рисунком коры, легким полетом семян. Эти благородные люди знали, о чем пишут: благозвучные цветы и сладкогласные деревья росли рядом, отбрасывая тень на рукопись неоконченной поэмы.

Некоторые страницы чудесных книг Виктора Астафьева напоминают реестры сакральных имен, гностические толедоты, целые родословия растений. Если бы я был охотником, рыболовом или таким лесным человеком, каким был Виктор Астафьев, я бы рассказал много историй из жизни леса, но я, видно навсегда, сын города, слабо посвященный в тайны цветов и соцветий, и нет у меня в запасе волшебных историй, хотя к одному эпизоду своей биографии возвращаюсь снова и снова.

Светлым пасхальным утром я стоял на монастырском дворе. Было раннее утро, и в природе всё будто игриво затаилось и только и ждет, чтобы вдруг выбежать из укрытия и разлиться звонким смехом на всё утро. Мягкий утренний свет, необычная для города тишина и в этом безмолвии вдруг свежая нота – аромат новой свежести, неповторимый запах лопнувших почек. Деревья проснулись! Ведь они такие молчуны – деревья, цветы, низенькие кустики – они разговаривают ароматами, здесь они главные, тут им понятно всё, но нам, шумным и слишком главным, не интересны их язык и тихая неторопливая жизнь, которая открывается нам через прикосновение и запах.

«О, запах цветов, доходящий до крика!»
(М. Волошин).

С детства мне нравилось обнимать деревья. Не знаю почему, но когда я вижу дерево, мне хочется прижаться к нему щекой, обнять его, погладить. Никогда не любил рвать цветы, и хотя я до сих пор не знаю, как же с ними быть, мне ближе всего и понятнее то легкое прикосновение к цветку или травинке, которое так изящно у кошек – пройти мимо цветка, слегка прикоснувшись мордочкой. Деревья и цветы – прекрасные и мудрые создания, лишённые зрения и слуха. Их глаза и уши – у нас, пастырей деревьев, пастухов цветов и растений. Мы – их дриады и наяды, это наше древнее и благородное служение, которое дает о себе знать, неожиданно просыпаясь в детях и просто хороших людях, искренне и бескорыстно восхищающихся чудом живого, многообразием и многоликостью этого прекрасного мира, сочиненного как раз нам под руку, впору нашим рукам и лицам.

Иногда мне кажется, что кошка сотворена такой «удобной» именно для человеческой руки, но и рука наша предназначена для ласки и заботы не только о людях, но и о кошках, о деревьях, о нашем славном мире, самом чудесном из сотворенных миров. Человеческие руки сделаны под деревья и кошек, деревья и кошки приходятся впору нашим рукам. И знаете что? Они ждут нашего прикосновения, нашего восхищенного взгляда, восторга и восклицания. Как дети, танцующие на утреннике, читая стихи, выступая на концерте, ждут ободряющего

родительского взгляда, деревья, цветы и звери ожидают благоговейного и благословляющего касания взглядом и рукой.

«Почти все вещи ждут прикосновенья.
За каждым поворотом нас маня,
Когда-то неприметное мгновение
Вдруг властно вскрикнет: вспомни про меня»

(Р. М. Рильке).

Утро Воскресения Христова, утро первой христианской Пасхи было пронизано светом. Последние главы Евангелий, сохранившие для нас эти утешительные свидетельства, так отрадны читать и перечитывать. Каждое евангельское событие имеет свои краски, свой особый фон и запоминающееся освещение. Христос, победитель смерти, гуляющий по утреннему саду. Веселый и уютный костер на песчаном берегу и хлеб с медом и печеная рыба для детей-учеников, и сами дети-апостолы – Петр бросается в воду, чтобы скорее увидеть Учителя, Фома трогает ранки, совсем как ребенок, зачарованный ранением или ссадинами. Горница, где таились ученики, путешественники в Эммаус и вечерняя трапеза с Воскресшим Богом – всё охвачено тихой радостью и мягким утренним светом, даже поздний ужин учеников, даже ночная ловля рыб.

Весна и Пасха – какое дивное и естественное сочетание! Оно будит в нас пастырей и заботливых старших братьев и хлопотливых сестреночек, которых зовет земля, ждущая внимательных и чутких рук, любящих глаз, радательного присмотра. Поля скучают о людях, деревья ждут детвору, а речной песок тоскует по детским ножкам, ведь он помнит наши следы, все розовые пятнышки, которые когда-либо ступали по этому мягкому и родному животику, потому что он создан для детских ножек, потому и вода так хороша, и весело купаться – она «лепилась» под наше тело, у нее тоже есть заботливые руки, ждущие и нашей ответной заботы, и нашего братского благоговения. И ветер так хорошо дует в лицо, и солнце такое ласковое, и так хорошо кусается яблоко и растекается соком по детским мордочкам, по этим чудесным вечно липким пальчикам, и всё это – в откровении весны и пробудившейся жизни, оправданной, примиренной и освященной Пасхой, откровением Вечного Пастыря, явившегося не в царственном величии, а в облике смиренного пастушка, чуткого и заботливого, Пастыря людей и деревьев, вернувшего отцов детям, братьям сестер, деревья детям.

Воскресение Христово. 1896. Худ. Николай Кошелев

Зачем мы крестим детей?

Каждый батюшка знает, как сложно священнику выйти из храма после воскресной литургии. Множество лиц, встреч, вопросов, а с ними – слез, улыбок, объятий и благословений. Приходится идти «сквозь строй», но это – обычный и очень важный труд пастыря. Однажды, пройдя «сквозь строй», вырвавшись на улицу, я пережил настоящее потрясение от встречи с одним маленьким человеком. Из-за яблони мне навстречу выбежал пятилетний Алеша, сын нашего водителя, добрый и нежный мальчик. Он увидел меня и побежал, крича во все горло: «Отец!» Дети не стесняются восклицать и восхищаться. У них еще слишком много сил жить и нерастратенная способность удивляться, особенно если они живут в любви и безопасности. Конечно же, я – отец. Меня так все зовут – «отец Савва». Но когда я услышал это имя от малыша, бросившегося обниматься, у меня оборвалось сердце. Ведь я просто монах, и у меня не может быть детей, и только иноки знают, что это самая большая жертва, которую мы приносим. Но на какой-то миг я, кажется, пережил то сложное чувство ужаса и благоговения, которое испытывают настоящие родители, ведь появление ребенка – это величайшее чудо, и быть родителем того, кого еще никогда на свете не было, и быть к этому причастным – как не возликовать перед лицом Божиим, не возблагодарить Его за этот дар!

Это чувство благоговения перед новой жизнью доступно каждому человеку и верующему, и неверующему. Но человек – существо религиозное, а это значит, что в любом из нас лежит неустраняемая потребность каждый по-настоящему глубокий человеческий опыт религиозно или ритуально оформить. Поэтому в любой культуре вы обязательно найдете обряды, связанные с рождением ребенка, бракосочетанием, инициацией, погребением. Там, где человеческий опыт «выплескивается» за границы этого мира, человек погружается в стихию символа и обряда. Мой дедушка родился в 1924 году в глухой сибирской деревне. Там даже до революции не было церкви, а в советское время тем более ребенка невозможно было покрестить. Вместо этого моего дедушку «октябрили»: новорожденного носили по деревне с красными флагами под пение пролетарских гимнов. Родился ребенок – это надо было как-то пережить, принять, избыть, отметить, означить. Люди не могут без религии, без культовой оформленности своего подлинно человеческого опыта. Конечно, это не тезис в защиту крещения маленьких детей. Но заставляет задуматься. Да, большая часть тех, кто приносит нам крестить малышей, люди нецерковные. Они крестят по привычке, по обычаю, потому что «так надо». Мы – люди церковные – знаем, зачем крестим. Вернее – думаем, что знаем. Мы прочли в «Законе Божиим», в «Катехизисе» или «Догматическом богословии», в самом лучшем случае, – в Писании. Это очень хорошо. Читаем, изучаем, штудлируем. Без такого богословского усилия нам, христианам, никак нельзя. Это род духовного упражнения. Но я на своем священническом веку довольно часто встречал людей, которые «кожей чувствовали», что им нужно, очень нужно покреститься. Как я могу отказать этим людям? То, что они чувствовали и переживали, было больше того, что они знали и постигали рационально.

Крещение Иисуса Христа. XIX в. Худ. Юлиус Шнорр фон Карольсфельд

Есть чудесный итальянский фильм «Маленький мир Дона Камилло». Главный герой – простой итальянский батюшка. Он всеми силами старается бороться с местным мэром-коммунистом, но когда тот приходит крестить своего малыша, Дон Камилло не отказывает ему. Жизнь сложнее, чем написано в книгах, и очень часто люди неверующие, даже настроенные антицерковно, все же где-то в глубине догадываются, что они дети Божии, и о своем настоящем Отце они могут вспомнить, только встретив утешающий и ободряющий взгляд священника.

Итак, почему же мы крестим детей? На самом начальном уровне нашего естественно-религиозного мироощущения нам необходима ритуально-символическая оформленность чуда рождения ребенка. На этом примитивном уровне человеку не важно, какой религии или идеологии он принадлежит. Однако я призываю даже к этому примитивному подходу отнестись с уважением и пониманием. Позволю себе напомнить, что христианину всегда следует исходить из презумпции доброты и усилия понимания. Даже в таком взгляде на религию нам следует учиться усматривать зерна добра, семена веры, которые могут неожиданно прорасти в большое цветущее дерево христианской веры.

Следующий уровень – страх – во-первых, за здоровье ребенка, во-вторых, и это уже почти церковный опыт – за его спасение. Мой дедушка-атеист категорически запрещал крестить мою маму, которая девочкой несколько раз переболела воспалением легких. Прабабушка, бессильно глядя на все это безобразие, похитила мою маленькую и больную маму, тайно отнесла ее в церковь и окрестила, «как положено». Мама исцелилась в этот же день. Совпадение? А разве в совпадениях отсутствует смысл? Прабабушка была простой женщиной. Она думала, что девочка болеет из-за того, что не крещена. Вообще, нам бывает очень

сложно понять, что же на самом деле думают простые люди, какие у них мотивы, но уж что точно мы можем себе позволить, так это обуздание собственного богословского снобизма. Снова аскетическое усилие – попытаться и здесь усмотреть зерна добра, постараться понять, при этом ясно себе представляя, что на самом деле есть церковная норма.

Другой вид страха – а вдруг дитя помрет некрещеным, и – и все! – поминать нельзя, значит – ад! Но разве мы добрее Бога? Если во мне живет жалость даже к зверюшкам, доброта и любовь ко всему живому – это всё заёмные вещи. Я добр и жалостлив только добротой, жалостью и любовью Божией, и если доброта во мне волнуется и возмущается – это Сам Бог возвышает Свой голос в моей доброте, и неужели Творец детей отправляет некрещеных в ад? Глупости всё это. Но в этой мотивации крещения мы уже слышим отголосок церковного опыта и евангельского учения.

Крещение детей появляется тогда, когда жизнь христианской общины входит в спокойное русло. Перед нами уже третье или четвертое поколение христиан, живущих единой семьей – евхаристической общиной, и для такой общины совершенно естественно приобщать к мистической жизни в Теле Христовом своих детей. Противники крещения детей требуют подождать времени, когда дети начнут что-то понимать. Но ведь понимание – это чудо, мы не знаем, как мы понимаем, что в нас происходит, ясно только, что понять за другого – нельзя. Тайна понимания это еще и тайна личной встречи со Христом, и ребенок с Ним непременно встретится, но не тогда, когда мы это запланируем. Почему необходимо подождать, чтобы дети хоть что-то понимали? Разве не родителям решать, что лучше для ребенка? Свт. Григорий Богослов считает, что крестить лучше в три года, но ведь это самый вредный детский возраст, и детей у святителя своих не было, поэтому, может, и не мог наблюдать эти «маленькие чудовища». Святитель пишет, что в этом возрасте они что-то уже понимают. А понимают ли? И какая-то ложь есть во всем этом: если я, христианин, точно знаю и верю, что истина во Христе, чего мне ждать, пока ребенок что-то там начнет соображать, искать. Это вещи естественные – сомневаться и идти своим путем веры, но почему мне не следует сразу ставить его на этот путь? Ребенок должен сам выбрать? Но – кто научит его выбирать, если не родители? Следует уважать свободу ребенка? А кто научит его быть свободным? Если родители – христиане, они, конечно же, будут учить его делать выбор по-христиански, руководствуясь Евангелием, и это, на самом деле, – насилие над ребенком. Такое же насилие, как навязывать ему наш родной язык, такое же принуждение, как давать ему образование, прививать правила поведения, нормы приличия, уважения к старшим, ответственность за родителей и Родину.

Откуда вообще появилась эта проблема – крестить или не крестить детей? Говорят, у нее протестантские корни. Может быть. Могу только предположить, что протестантские корни у самого процесса эмансипации детей от родителей, который мы сейчас наблюдаем. Незаметно произошел некий культурный переворот: мы начали мыслить детей отдельно от родителей. Этого взгляда не знала традиционная культура. Посмотрите на икону Божией Матери. Нас, православных, часто укоряют, что иконы Христа в наших домах найти нельзя – вокруг только образы Богоматери. Но для наших предков икона Божией Матери это и есть икона Христа. Древние христиане – абсолютно нормальные люди – не могли мыслить ребенка в отрыве от его родителей. Если мы изображаем Младенца Христа, мы не можем обойтись без фигуры Его Матери.

Ребенка невозможно мыслить без его родителя, ребенок без мамы и отца – абстракция. Как только мы помыслили ребенка, на мысленном горизонте должен проявиться отец или мать, иначе перед нами не ребенок. Дети непременно должны отбрасывать «родительскую тень». Как учит нас Голливуд, только вампиры не отбрасывают тени, и если вы мыслите ребенка без «родительской тени», – у вас проблемы со зрением. Писатели так любят героев-сирот именно потому, что с ними легче работать: они не тянут за собой шлейф родителей.

Оливер Твист очень удобный персонаж, и чтобы как следует ребенка раскрыть и рассмотреть, следует убрать родителей.

Донская икона Пресвятой Богородицы. 1382–1395. Худ. Феофан Грек

Но в таком случае и ребенок исчезает, остается симпатичный и очень несчастный человек, вызывающий у всех нормальных людей сочувствие именно своей органической неполнотой. Мне даже кажется, что такое распространение, простите, педофилии как-то связано с этой культурной трансформацией естественно-родового сознания – за ребенком не видят его родителей, он один.

«Нехорошо человеку быть одному» – это очень глубокая истина, относительно же детей она требует большего усиления: ребенок вообще не может быть один, он долго рож-

дается, долго появляется на свет, минимум двенадцать лет он «выходит из утробы». Связь между мамочкой и ребенком более органическая, чем между мужем и женой, и мужчины не напрасно чувствуют себя оставленными и брошенными после рождения малыша. Дитя не просто продолжение родителей и носитель родовых свойств. До определенного возраста он их органическая часть. Было бы глупо говорить о моей левой части, совершенно игнорируя правую. А потому – крестить или не крестить – это решать родителям. Если я родил ребенка, содержу его и воспитываю, я хочу очень простых и корыстных вещей: ребенок должен вырасти человеком, как я это понимаю, и это важно для меня, потому что с каждым годом я – старше и слабее, а он – сильнее, ему досматривать мою старость, ему закрывать мои глаза, а мне не все равно, кому доверить свою ослабевшую жизнь. Это очень понятные мысли, и я намеренно не хочу пускаться в обстоятельный богословский разговор – очень много на эту тему написано, – но для христианина крещение ребенка это жест благодарности Богу за доверие принять и воспитать этого нового человека. И пусть перед священником стоит совершенно нецерковный человек, неверующий родитель, мы все равно не должны отказывать этим Божиим детям пусть так неуклюже, неумело, но отблагодарить Детоподателя.

Бегство от Спасителя

Принято считать, что верующий человек находится в более выгодном положении, чем неверующий: вера помогает ему выстоять, дает надежду и силы в тяжелых жизненных обстоятельствах, верующему проще и комфортнее – он знает все ответы, его не мучают сомнения, он принимает решения без колебаний. Вера – бодрит. Замолаживает. Если вы смотрите на верующих под таким углом зрения, вам должна быть близка точка зрения покойного Владимира Ильича, видевшего в религии род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свою нищету и бесправие. И в этом есть своя правда: всегда был некоторый процент людей, сбегавших в религию от проблем, удирающих от мира. Но таковых единицы. Говорю, как человек, наблюдающий изнутри. Спасаться от мира – в этом есть своя корысть, свой интерес. Но легче ли и проще ли – быть верующим?

Если подходить к вере с меркой пользы и корыстью, то будем честны, – верующий гораздо больше потеряет, чем приобретет. Большинство способов устроиться в этой жизни нам, верующим, недоступны. Нам просто совестно этим пользоваться. И не только потому, что Писание или Церковь запрещают. Просто – не можем по-другому. Не в состоянии переступить через себя, даже если очень надо. И проходят мимо нас многие удовольствия этого мира, отрадные наслаждения, карьерные решения, доступные ходы. Верующим быть невыгодно. Но пытливый совопросник возразит: но ведь есть выгода духовная, мы лишаем себя здесь каких-то временных радостей, избегаем страстей и неправды, но там, в Царстве Небесном, нам воздастся сторицею – а что это, если не выгодное вложение своей жизни? Однако напомним себе: библейские обетования изложены языком образов, метафор. Категории выгоды и пользы в описании Царства Небесного не работают, да и надо быть честным: верующие мы не потому что хотим выгодно себя вложить в какой-то предельно долгосрочный проект. У нас просто нет выбора.

Господь назвал Себя Истиной (Ин. 14:6), и верующий человек отличается от неверующего как раз тем, что Истина настигла его, и он живет в присутствии Истины, ходит перед Богом, и это так, даже если я тщательно избегаю праведной жизни, бегу от Евангелия, спасаюсь от Спасителя. Призвание не есть вопрос выбора. Потому что Истина – это то, что есть на самом деле. То, что ЕСТЬ. В опыте Истины есть неуловимый момент принуждения. Пребывать в Истине значит выйти из сферы свободы выбора. Можно выбрать религию, но не веру. Пребывая в Истине, ты знаешь, как ЕСТЬ на самом деле. Может быть, поэтому один из русских философов указывал на неожиданную этимологию слова «истина» от «естина», – то есть то, что есть на самом деле, что подлинно, что есть настоящее, что предельно реально, что настолько ЕСТЬ, что с этим никак не поспоришь. Поэтому быть христианином – это очень больно. Это трагично. Ты знаешь не просто то, что Бог есть, ты знаешь, Кто Он, как смотрит на тебя, чего ждет от тебя, что делает для тебя. Нет – не знаешь, а переживаешь Его Подлинно Живым и Сущим: Он Есть. И в этой простой фразе – весь опыт веры.

Явление Христа народу. Фрагмент. 1837–1857. Худ. Александр Иванов

Но еще ты знаешь – опытно, практически, всей кожей твоей, всем сердцем, – как болен мир и человек, сколько «тьмы беспросветной в груди человека» – у тебя в груди – и как тяжело дается добро, какого труда это все стоит и как трудно быть человеком. Как трудно и больно быть. Быть – больно. И самое тяжелое: от этого никуда не скроешься. От Бога никуда не скроешься. И не подумайте, что это мысли какого-то религиозного инвалида. Этот опыт был близок даже царю Давиду. Даже ему приходило на сердце желание сбежать от Бога, надежда спастись от Творца, скрыться от Вседержителя, и он остро переживал конфликт истины и свободы: «Куда пойду от Духа Твоего и от лица Твоего куда убегу? Взойду на небо – Ты там; сойду ли в преисподнюю – и там Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря: и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница твоя. Скажу ли: “Может быть, тьма скроет меня, и свет вокруг меня сделается ночью”. Но и тьма не затмит от Тебя, и ночь светла, как день; как тьма, так и свет» (Пс. 138:7–12).

Хочешь бежать от Бога? Он Сам соберет тебя в дорогу, ты будешь выбираться из ограды церковной на Его плечах, и по каким бы ущельям ни скитался, в каких бы пропастях ни прятался – Он все равно будет рядом, и руки Его, заботливые и любящие, всегда поддержат тебя и согреют, даже если ты будешь бороться с этим теплом и оттолкнешь эту руку. Невозможно перестать быть верующим. Это никак «не выключается». Бог есть и с Ним – правда, с Ним всё правильное, естественное, настоящее и значительное. Быть с Ним – «естественное место» человека, и мы стремимся к Нему, жаждем любить Его, но тьма внутри всегда

сопротивляется живому, не хочет жизни, боится сложного, прячется от Бога, пусть даже и в преисподней или «на краю моря».

Христос Вседержитель. Эскиз. 1885–1896. Худ. Виктор Васнецов

Было бы легче, если бы Бога не было. Но Он есть. Слишком есть. И ничего с этим поделать нельзя. Его нельзя попросить не быть, это единственное, что Ему не по силам. А еще тяжелее то, что есть Христос. Его жизнь, Его учение, самое главное – Он Сам. Слишком близко Он подошел к каждому из нас, и мы никуда не можем спрятаться от Него, его жизнь не просто пронизывает нашу, но наша жизнь и есть Он. Мы потому и живы, что дышим Им, живем Его жизнью, любим Его любовью, радуемся Его радостью. Потому так странно звучит вопрос: чего Церковь хочет от нас? Мы – Тело Христово. Мы и есть Церковь. Чего я как часть Христова Тела хочу от себя? Просто быть. Быть по-настоящему. Быть таким и таким образом, как меня задумал и создал Бог. А это очень непросто. Это трудно, как всё подлинно прекрасное. Проще быть без Бога. То есть вовсе не быть. Очарованные томительной и мнимой простотой небытия, мы хотим скрыться от Бога, запретить Ему быть или хотя бы не знать о Нем ничего: есть Он, нету Его – ничего не хочу об этом знать, и не напоминайте мне – ни словами, ни иконами, ни крестами, ни священниками. Верующие – пугают. Тревожат. Это беспокойный и беспокоящий народ. Без них проще. Без веры проще, проще – без

верующих. И куда проще без их Бога. И мы, верующие, временами завидуем неверующим или просто людям религиозным. Им проще. Понятнее. Они не встретили Его – Лишающего покоя, отдыха и сна. Подлинного Утешителя. Настоящего Отца. Бескорыстного Наставника, который искал «не нашего, а нас» (2 Кор. 12:14), и нашел, и, как пугливую овцу-потеряшку, положил на плечи Свои, «посадил Себе на шею», спас от себя самих.

Апельсиновые святые

Печальная дама в сиреновом выплыла из ноябрьского тумана:

– Батюшка, скажите что-нибудь хорошее. Такая тоска...

– А-пель-син.

– Издеваетесь? Да?

– Отчего же? Когда мне грустно, знаете, что я делаю? Просто кладу на стол апельсин – у каждого должно быть под рукой маленькое солнце. Где-то хожу и что-то делаю – и бывает, что нет ни сил, ни радости, ни жизни – вязкий бесцветный сон, – а дома на столе лежит круглая улыбка из летнего золота – разве это не утешительное слово – а-пель-син, – разве вы можете удержать радость, глядя на этот бескорыстный вызов тоске, на это торжество жизни?

...И все слоны, киты, и жирафы, и отважные тигрята согласно и одобрительно закивали:

– Ну конечно – апельсин! Разве может быть иначе!

– Я бы их ел и ел, – мечтательно протянул маленький совёныш, дожевывая шоколадку.

Скажите, пожалуйста! Как тут оказались совята, откуда взялись слоны с флегматичными жирафами? Совершенно неуместные реплики и неавторитетные персонажи! А кто авторитет? Святые люди, конечно. Старцы. Постники. Собор угодников Божиих. Уж никак не совята. Да и мало ли что придет сове на ум, мало ли что угнездится в ее глазастой голове. Что есть сова в своей последней сути? Пернатый вариант кошки. Стог перьев с вечно удивленными глазами. Озадаченный стог. Мы, христиане, привыкли «жить по совету», а не по совытам, и совет этот просить у святых и старцев, а не у стога с душой кота. Совят – убрать! Вычеркнуть! Обезвредить! Но, друзья мои, даже святые отсылают нас к апельсиннам. Указуют на них с определенностью, не терпящей возражений. Не верите. Не доверяете. Посмотрим? Именно – посмотрим.

Вот. Передо мной прекрасное издание «Роскошного часослова герцога Беррийского». Дивное творение живописцев XV века братьев Лимбург. Какое чувство цвета, какие славные и наивные сюжеты, мирные пейзажи с золотыми драконами, герцог в меховой шапке, крестьяне у очага. Пятисотлетний леопард лижет лапу с сосредоточенным наслаждением. Дамы в высоких уборах, «в шумных платьях муаровых». Псовая охота. Веселые крокодилы кусают устало страдающих грешников. А вот и собор всех святых – моя любимая картина! Братья-изографы, видно, долго ломали голову над композицией. Ведь как же – Христос и Богородица должны быть в центре, не так ли? – Правильно. Они глядят на нас, окруженные сонмом святых, преподобных и мучеников? – Безусловно. В таком случае святые, а их много, не могут стоять спиной к Господу? – Логично. Значит, они будут изображены спиной к зрителю? – Несомненно. А вы видали когда-нибудь святого со спины? Заходили к нему сзади, шли в обход, заглядывали сбоку? Святые всегда к нам лицом, и – нимб над головой, круглый и сияющий. И вовсе не трудно их изобразить лицом не к нам, но что делать с нимбами? Это священное сияние целиком должно скрыть голову. И что же сделали братья Лимбург? О, эти гениальные художники знали свое дело. Получилась картина, которую я называю «Апельсиновые святые». Круглые золотые нимбы полностью скрывают головы святых, предстоящих Господу, и Христос с Пречистой Девой кротко восседают на престоле, окруженном настоящими золотыми апельсинами. Каждый святой – как маленькое золотое солнышко, священный и утешительный апельсин в разрезе. Конечно, в этом есть свое юродство, но еще в моей «недалекой» монашеской юности мне врезались в память и сердце слова одного многострадального старца: «Будь ближнему солнышком». В этом простом наставлении – мудрость человека с большим сердцем и печальными глазами. Это не от прихотливой

романтики, не от книжных добродетелей, от великой любви к людям, снисходительности и сострадания родились эти слова. Такое мог сказать только человек, научившийся воистину *со-болезновать* людям, через себя и свое живое и участливое сердце пропускать чужую боль – нет, не бывает для подлинных учеников Христа чужой боли и чужой радости! «Утешайте, утешайте народ мой!» Это пророк Исаия так учил. А если я принадлежу народу, то сам себя я должен уметь утешить. Поэтому – купите апельсин!

Великолепный часослов герцога Беррийского. XV в. Худ. братья Лимбург

Счастливые постов не наблюдают

Если Церковь сравнить с университетом, то Великий пост – это время сессии. А сессия – пора тревог, невероятного напряжения и беспокойства, которых не чужды и самые лучшие ученики. Поскольку лень – это признак здоровья, по-настоящему здоровый студент не станет надрываться в учебное время, и там, где можно сбежать, прогулять, скрыться, он непременно воспользуется такой возможностью. Как говорил один мой успешный приятель: «Не откладывай на сегодня то, что можно сделать завтра». Но сессия – это святое. Тут нужно собраться, выложиться, показать результат. Однако здоровый студент не всегда хороший студент. Талант и призвание обнаруживает постоянство. Для усердного и трудолюбивого студента сессии не существует. Для внимательного христианина Великим постом не бывает потрясений. Вот это открытие! Всем плохо, но есть такие, кто продолжает жизни радоваться? Счастливые постов не наблюдают? Соблюдают, но не наблюдают! Если в период учебного времени ты равномерно и без надрыва трудился, то и сессия тебе покажется чем-то рядовым и естественным.

Викентий Викентьевич Вересаев, к сожалению, мало известен современному читателю. Но и читатели постарше помнят, главным образом, его «Записки врача», работы о Пушкине и Гоголе. А еще у него есть замечательные «Записи для себя». В этой книге есть свидетельство наблюдения за своим духовно-телесным состоянием. В 1921 году Вересаев переехал из Крыма в Москву. Время было голодное. Питались впроголодь. Мяса почти совсем не было. Временами добывали хлеб, крупы, изредка удавалось найти молоко. Но эта вынужденная диета подействовала на писателя неожиданным образом: «Никогда мне не писалось так легко, как в это время. Сядешь к столу – и мысль свободно и легко изливается на бумагу. За этот год я написал столько, сколько в обычном состоянии мог бы написать в года три-четыре»¹. Когда же Вересаев стал получать усиленный паек и у него на столе завелось мясо, работоспособность резко упала, настроение испортилось. Но к середине месяца мясной паек полностью уничтожался, и к писателю снова возвращалось хорошее настроение и вдохновение труда. «Мясное» настроение приносило тяжесть в теле и голове, растительная пища освежала мысль, делала легким тело. Как говорил известный персонаж: «В теле такая приятная гибкость образовалась...»

Вересаев был дипломированным врачом, и привычка к наблюдательности естественна для людей его профессии. Однако знаю немало народу, который впадает в тоску и суицидальные порывы, едва услышав упоминание о растительной пище. Эти люди никак не могут обходиться без мяса. И голова, и тело отказываются работать, подчиняться, реагировать, если отнять у них привычную мясную пищу. Их дурное настроение можно назвать скорее «травяным», нежели «мясным», а я вовсе не проповедник вегетарианства, хотя имею к этому склонность – и к проповеди, и к растительной пище. Дело в другом. Есть некий универсальный уровень поста, необходимый не только для верующего, но и для всякого здравомыслящего человека.

Один покойный римский император настаивал на том, что к тридцати годам каждый взрослый человек просто обязан «познакомиться» со своим телом, изучить его свойства и повадки, понять, что для него яд, а что приносит пользу. Порой мне кажется, что постный подвиг так сложен для современного христианина еще и потому, что мы не учитываем этот самоочевидный и даже общечеловеческий уровень постного усилия, которое распространяется не только на пищу, но касается, например, режима дня, манеры отдыхать, общаться, получать информацию, трудиться, спать, брать на себя физическую нагрузку. Мы должны

---

¹ Вересаев В. В. Записи для себя. СПб., 2012. С. 125.

и даже обязаны знать, что полезно, а что вредно для нашего тела и для души, и, испытав разные стили жизни, найти свой – единственный и неповторимый. Ведь то, что полезно для одного человека, может быть опасно для другого, и эту работу «знакомства с собой» за нас никто не сделает. Я, например, знаю слишком хорошо, как на меня действует жирная пища или ненавистные болгарские перцы, от которых мне плохо, у меня всегда болит голова даже от рюмочки коньяку. Не ем. Не пью. Не употребляю. Мне слишком хорошо известно, что такое бессонница и что в моем случае она возникает от несоблюдения режима дня и труда. Вывод: хочешь нормально отдыхать, не засиживайся допоздна, делай свою работу вовремя, не смотри на ночь «волнительные» передачи, не читай тревожных новостей. Мы должны за собой постоянно наблюдать: сколько времени я трачу на пустую болтовню, какое количество сна идет мне на пользу, что я могу кушать, сколько и какого качества, и что вредит моему самочувствию и мешает работе. Это и есть самоочевидный и универсальный уровень поста, который должен соблюдать каждый и всегда, всю жизнь. Именно поэтому для здравомыслящего человека пост никогда не начинается. Он просто никогда не заканчивается.

Однако мне возразят: пост универсален и навсегда, а как же предписания церковные, регламентирующие употребление пищи в разное время года? Всё верно. Мы – дети церковные и должны соблюдать правила и каноны. Однако они не абсолютны. То, что мы читаем в календаре в период Великого поста – рекомендации и ориентиры, маяки, настраивающие нас на правильное отношение к тому или иному дню церковного года. Но сами эти предписания – «пища без масла», «сухоядение» – исторически являются правилами монастырской трапезы, именно монастырской. Важно заметить, что эти правила не являются абсолютными, даже для монашества, поскольку в наш календарь попали рекомендации устава одного из тысяч византийских монастырей, каждый из которых имел свой особый устав. А потому «календарные» правила нуждаются в разъяснении на общецерковном уровне, и кое-что для этого уже делается.

Троица Ветхозаветная. XVII в. Икона, Минск

Как бы там ни было, на каком бы уровне ни находилась наша духовная жизнь, постное здравомыслие есть основа, без которой не только невозможно, но и вредно поститься. Описанный у Вересаева уровень универсального поста является светской транскрипцией того,

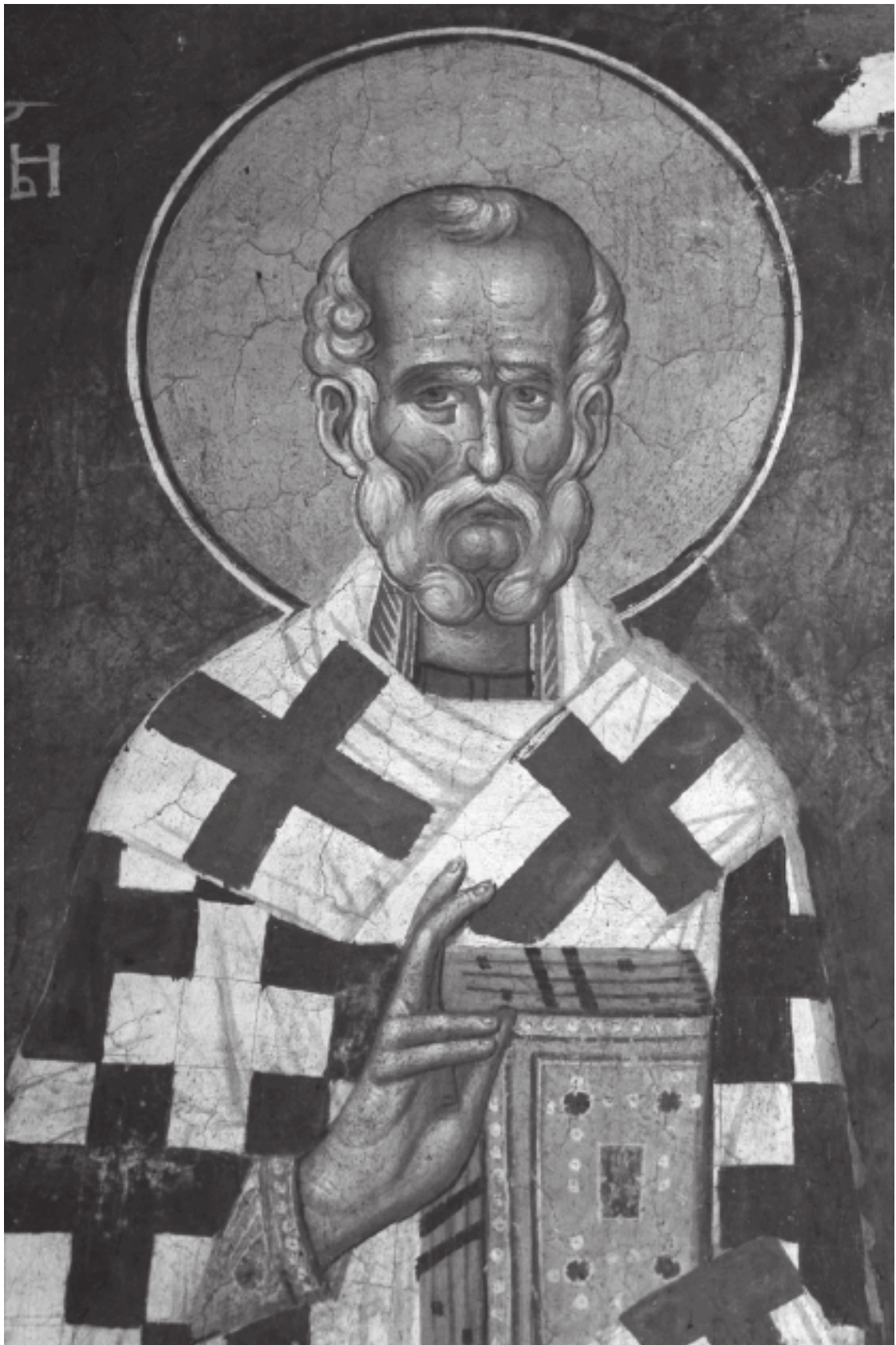
что святые отцы называли «золотой добродетелью» или рассуждением. О своих духовных упражнениях следует размышлять, за поведением своего тела и души следует внимательнейшим образом наблюдать, исправляться, делать выводы, спрашивать советов, а порой и спорить, но красиво и правильно, как это делают все рассудительные и трезвенные христиане.

Подушка для святого

Святой Григорий Чудотворец смотрит с иконы пронзительно-умными глазами. У него седая голова, по-восточному смуглое лицо и изящная осанка. Он не просто *на* иконе, он и сам – икона, идеал и образец служения епископа. Когда святой Григорий прибыл в свой город, там было всего лишь 17 христиан, а в день кончины святителя, отходившего ко Господу после многолетних просветительских трудов, в его городе осталось только 17 язычников. Святитель был кротким и милосердным пастырем с добрым, отзывчивым сердцем. Он был святым, а истинно святые встречаются нечасто.

Как-то раз Григорий направлялся в Неокесарию, и ночь застала его на пути. Он зашел в храм Аполлона, известного в округе своей прорицающей статуей, и, помолясь, уснул. Пробудившись вместе с солнцем, святой оправился в путь. Ничего примечательного. Какой-то бытовой эпизод. Даже не приключение. Но это еще не всё. Утром в храм пришел жрец, служивший при пророчествующей статуе. Принялся вопрошать бога, задавая вопросы просителей и паломников. А бог не отвечает. Онемело изваяние. Пробовал служитель менять диалекты, приносить разные жертвы, творить особые ритуалы. Молчит. Не внимлет. Замерло в мраморной немоте. Вышел служитель во двор, растерянно оглянулся и тут, наконец, услышал такой знакомый за годы службы голос:

Святой Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский. XIV в. Фреска в монастыре Дечаны

– Ночью здесь отдыхал Григорий-христианин. Он выгнал меня из моего храма.

Жрец сразу бросился за Григорием в погоню. Догнал. Объяснился: люди ждут, все переживают, статуя молчит, такого никогда не было, народ расстроен, надо помочь людям и всё наладить обратно. Григорий проникся, взял кусок пергамента и написал: «Григорий – бесу: можешь вернуться». Жрец обрадовался, благодарит, бежит обратно, а у самого мысль: что же это за бог такой, что какой-то христианский священник его из собственного храма выгнал, да еще и не намеренно? Говорят, этот жрец потом принял христианство и не отлучался от святого епископа.

Святой Григорий освятил языческий храм своим присутствием, изгнал из него нечистого духа. Чем изгнал? Молитвой? Но ведь он молился не о том, чтобы прогнать злого духа, и не просил Бога освятить это место. Мне кажется, что чудотворец освятил этот храм не столько молитвой, сколько самим своим присутствием. Он отдыхал в этом месте, молился, может быть, поужинал скудной трапезой путешественника, а потом размышлял, засыпая на своем скромном одре. И все эти простые человеческие действия освящали, очищали и благословляли это нехристианское святилище. Если хотите, святой очистил этот храм своим сном и трапезой. Ведь святые и в самой своей святости остаются людьми и, как люди, нуждаются в отдыхе, пище и других утешениях. У святых есть подушки. Они умываются, а значит, трудятся, потеют, а оттого, как апостол Павел, вяжут на голову платки, они мерзнут, и носят одежду, и отдают ее в починку, святые вкушают пищу и, наверное, у них есть любимые блюда, порой они хворают, и многие из них терпеливо переносили жестокие недуги. Тягостной и гнетущей была болезнь преподобного Симеона Нового Богослова, многие годы хворал преподобный Амвросий Оптинский. И в своей болезни святые подвижники нуждаются в помощи и поддержке простых людей, верных сотрудников, молчаливых и кротких мирноносцев. Святые нуждаются в нашей помощи и заботе. Спасителю служили смиренные труженицы, от которых остались только имена. Святой Иосиф Аримафейский и праведный Никодим, люди состоятельные, помогали Христу и Его ученикам при жизни и не оставили Своего Учителя и по смерти. Теща Петра прислуживала Господу, навещавшему дом рыбака. Самым значительным днем в жизни Закхей-мытаря был день, когда он принимал в своем доме Христа, и Закхей мог «успокоить» странствующего Учителя, своими руками омыть Его стопы, утешить Его трапезой и самым лучшим вином. Эти люди с чуткими сердцами не могли не служить святыне. И Господь, и святые Его благословляют таких тружеников.

И вот со временем появился обряд освящения жилища. Первоначально батюшек просто приглашали обходить дома своих прихожан в праздничные дни, и этот обычай до сих пор сохранился, например, в Западной Белоруссии. И сегодня священников зовут благословить дом или квартиру. Но следует помнить, что само освящение есть не просто обряд или узаконенный ритуал. По самой своей сути освящение дома есть таинство гостеприимства. Дом освящается не просто правильно прочитанными священными текстами, но и радушием хозяев, принимающих священных гостей. Мы приглашаем к себе рабов Божиих, служителей Христа, и Господь благословляет наш дом за это усердие. Да, скажут, что священник не апостол, не святой, не чудотворец. А с чего же вы взяли, что батюшка не святой? Он – раб Божий, который стоит у Престола, его руки и уста служат великому таинству Евхаристии, и каким бы духовно обгорелым ни был священник, печать его благородного служения всегда на нем. Это большая честь – принимать в своем доме священника. Это Божие благословение, простирающееся на дом и на его обитателей. Не просто святая вода или чтение молитв освящают жилище, но и само присутствие служителя алтаря. Поэтому так важны в этом таинстве не только ритуальные моменты – свечи, масло, святая вода, – но и наш маленький труд «утешения» – предложенная трапеза, даже чаепитие и скромные пирожки – это необходимое и, если угодно, таиносовершенное действие обряда освящения. У каждого человека есть от Бога данный дар благословлять этот мир – людей, дома, деревья, животных, но служение священника – служение благословения по преимуществу. И люди ждут этого благословения,

очищения и освящения, потому что мир безблагодатный и порочный задыхается от растления и зла. Зло утомительно. Зло старит людей и вещи. Дома ветшают от греха, дети глядят стариками, цветы и звери устало увядают от «парения похоти», от дыхания порока.

Тайная вечеря. 1654. Худ. Филипп де Шампань

У Рея Брэдбери есть рассказ, в котором дом, уставший от греховной скверны его обитателей, просто выгоняет своих владельцев. Так с нами поступают и наши дома, в которых не хватает воздуха и света, где всё пропитано распрей, проклятиями и сквернословием. Против нас восстает наша земля, у которой нет никаких сил носить порочное человечество, и она так часто бунтует, пытаясь защититься от тех, кто призван ее возделывать и хранить, от которых она вынуждена спасаться, стараясь избавиться от безумной власти царя-самоубийцы. Вот почему христиане должны освящать всё вокруг себя, и, действительно, мы так и поступаем и освящаем наш мир не только и не столько обрядами, но и живя свято, принимая святых людей под свой кров, благословляя всё подлинно человеческое, утешая своих пастырей в таинстве гостеприимства, спасая свой род и семью стаканом воды, поданным жаждущему, обедом, купленным нищему, добрым словом, и улыбкой, и молитвенным вздохом, евангельским глаголом и благословением, с честью неся подвиг благодарности и благословения. И когда вы пригласите в дом батюшку, не забудьте об очень простых, важных и священных вещах: пирогах, варенье, а может, и «свято-рыбице», и в каждом доме где-то всегда должна храниться про запас подушка для святого.

Женщина и власть

Я люблю Вергилия. И как его не любить? Конечно, это не Гомер с его буйной свежестью первобытных героев. Вергилий изящен, порой подражателен, умерен до искусственности, но – прекрасен, и герои его – захватывают и пленяют. Среди пестрого сонма богатырей «Энеиды» особняком стоит принцесса Камилла, предводительница вольсков, дева-воин. Конечно, есть у Вергилия и другие дамы, одна Дидона чего стоит, но Камилла – особенная.

«Бранный был ведом ей труд и с ветрами бег
вперегонки,
В поле летела она по верхушкам злаков высоких,
Не приминая ногой стеблей и ломких колосьев,
Мчалась и по морю, путь по волнам пролагая проворно,
Не успевая стопы омочить в соленой пучине.
Смотрит ей вслед молодежь, поля и кровли усеяв,
Издали матери ей дивятся в немом изумленье;
Глаз не в силах толпа отвести от нее, лишь завидит
Пурпур почетный, что ей окутал стройные плечи,
Золото пряжки в кудрях, ликийский колчан за спиною,
Острый пастушеский дрот, из прочного сделанный
мирта»

(Энеида, VII, 807–817).

Образ Камиллы завораживает. В младенческом возрасте она была посвящена богине Диане и хранила девство, занимаясь только ратным делом, а это значит, что Камилла была профессиональным убийцей.

«В землях тирренских она могла бы невесткой желанной
Многим стать матерям, но, одной предавшись Диане,
Знает Камилла любовь лишь к оружию и к девственной
жизни,
Свято блюдя чистоту»

(Энеида, XI, 581–584).

Хранение девства во многих древних культурах было особым знаком. Его связывали с магией силы, прежде всего. И нам конечно же вспоминается другая дева-воительница – Брунгильда – героиня скандинавского эпоса. Она обладала нечеловеческой силой, которая сразу исчезла, как только принцесса вышла замуж и утратила девство. Магическая сила иссякла. Но только ли магия силы может быть усмотрена в образе девы-воительницы? Нет ли здесь и другой, очень нам понятной интуиции священного благоговения перед святостью материнства, почтения к особому сакральному служению женщины как матери и супруги, чья святость выявляется только в созидании, но никак не в разрушении, чей образ никогда не может быть причастен злу. А потому и воительницей не может быть мать или жена. Только девство – сознательное самоубийство себя как женщины – может примириться с работой убийцы. Здесь следует сделать оговорку относительно хранения девства монахинями. Их путь – путь созидания, а не разрушения, путь приумножения любви и доброты в девственном служении Богу. Но девство Камиллы было иным. Она была девой-воином, то есть убийцей, и в сознании людей древности эти вещи несовместны – убийство и рождение, зло и

созидание рода и семьи, поэтому, если женщина – воин, значит она ни в коем случае – не мать и не жена.

Вот описание рядового эпизода военных занятий Камиллы, один из моментов ее «трудовых будней»:

«Мужа, что гнался за ней, догнала и, мольбам не внимая,
Дважды удар нанесла секирой тяжкой по шлему,
Медь и кость разрубив, так что мозг полился из раны»

(Энеида, XI, 696–698).

Прекрасная дева-воительница топором раскроила череп молодому воину, забрызгав землю его кровью и мозгом. Убит чей-то сын, брат, муж, отец. Пресёкся род. Умерщвлена целая цепь поколений. Война – это зло. Даже священная война – зло. Вы можете сражаться за родную землю, защищая свои дома, жен и детей, заступаясь за родные могилы и святыни народные. Но служа этим высоким целям, вы обязаны убивать. Без этого никак нельзя. Без этого не бывает войны. И если война священная, освободительная, отечественная, обязанность каждого мужчины взять в руки оружие и сражаться. Но от этого зло не становится добром, а война – это зло, потому что на войне убивают, и это убийство может быть меньшим злом, но от этого злом оно быть не перестанет. Мужчины берут в руки оружие, чтобы это оружие не брали в руки женщины. Женщина и убийство – сочетание невозможное и дикое. У женщины свое особое служение в этом мире. Женщина священна, потому что у нее от Бога есть дар созидания. Первую женщину звали Ева, что значит «жизнь». Женщина несет миру жизнь, лечит его раны, заражает добротой и любовью. Поэтому нужно делать всё, чтобы ее никогда не касалось зло, чтобы она была спрятана от ужаса убийств и насилия.

Женщина-рыцарь. 1909. Худ. Вардгес Суренянц

У гениального Толкина во «Властелине колец» нарисована настоящая икона женщины, ее идеальный образ. Я говорю об онтицах, супругах пастухов деревьев, хранителей леса. В отличие от своих мужей-онтов, онтицы посвятили себя разведению садов, они украшали землю, стараясь превратить ее в один большой и цветущий сад торжества жизни. Но пришла война. Сады запылали огнем. Онтицы ушли. А онты уже много столетий кличут своих подруг, поют свои грустные песни, и мне кажется, что тихая и печальная песня онтов и онтиц, сочиненная Толкиным, это один из самых красивых и целомудренных опытов любовной лирики в европейской литературе.

Мужчины должны оберегать женщин от зла. Власть – это всегда зло. Руководитель никогда не может быть чистым и добрым. Чаще всего ему приходится делать выбор не между добром и злом, а между меньшим злом и большим. Меньшее зло все равно зло, даже если речь идет о вынужденном увольнении сотрудника, сокращении зарплат, выговоре и прочее. То, что на протяжении долгих веков женщин не допускали к власти, было не проявлением шовинизма, а неосознанной, интуитивной защитой женщин от зла. Служение женщины – в созидании, рождении нового, украшении и утешении этого мира. Власть – дело мужское, потому что «грязное».

Но времена изменились. Женщины возглавляют институты, заседают в парламенте, руководят государством. Хорошо это или плохо? Мне кажется это противоестественным, ненормальным. Такая ситуация стала возможна в мире, где мужчины отказались защищать своих жен, сестер и матерей.

Великая Маргарет Тэтчер. «Железная леди». В 1982 году как руководитель государства она приняла решение о силовом, то есть военном решении конфликта на Фолклендских островах. Эта маленькая война, в конце концов, пошла Британии на пользу. Но решение убивать приняла женщина. Мать. Супруга. Война с Аргентиной унесла жизни почти тысячи человек: погибло 258 англичан и 649 аргентинцев. В смерти всех этих людей повинна мать двоих очаровательных детей, верная супруга, почтительная дочь – Маргарет Тэтчер, баронесса. Подчеркну: дело вовсе не в политике, не в том, кто прав, кто виноват, чьи интересы важнее. Власть невозможна без причинения зла, разрушения, обиды, а порой и пролития крови. Женщина убивает в себе женщину, если каким-либо образом причастует злу, предает вверенное ей Богом служение созидания. Знаменитая королева Елизавета, правившая Британией в XVI веке, тоже была причастна войнам, казням и убийствам. Но, по крайней мере, она была последовательной и, подобно Камилле, так и не вступила в брак. Невозможно созидать одной рукой и разрушать другой. Нельзя, погрузившись по ноздри во власть, остаться чистым. Никто не вправе запрещать женщинам идти во власть, но пусть им подскажет правильный выбор тот залог доброты и силы созидания, что вверен им Самим Богом.

Епископы и левиафаны

В «Луге духовном» есть любопытная повесть об одном несчастном иноке, который прожил жизнь в беспечности и нерадении. Сколько ни умолял его старец исправиться, настроиться на правильный иноческий лад, никак не мог убедить брата. И вот это злосчастный иннок скончался, и старец, всем сердцем любивший брата, стал молить Господа показать ему, где обретается душа его ученика. И увидел старец огромную огненную реку, а в ней – множество осужденных на муку грешников, и душа усопшего брата стоит в огне по шею. Старец обратился к брату со словами сочувствия, а усопший ему ответил: «Благодарю Бога, отец мой, что хотя моя голова свободна от мучений. По молитвам твоим я стою над головою епископа».

Такова повесть из 44-й главы «Луга духовного», и это вовсе не антиклерикальный памфлет или злобная сатира. «Луг духовный» – книга, освященная самым высоким авторитетом. Отрывки из «Луга» зачитывались на Седьмом вселенском соборе. С большим уважением к этому собранию свидетельств о жизни святых относился прп. Иоанн Дамаскин. Святые отцы не усмотрели в повести о захлебнувшемся в адском огне епископе антицерковную пропаганду. Они прекрасно понимали, что, при всей высоте и достоинстве епископского служения, человек остается человеком, существом свободным, а значит, и способным и к святости, и к порабощению страстями. Церковная история сохранила множество сообщений не только о сребролюбивых епископах, но и епископах-колдунах, тайных язычниках, предателях веры, изменниках Родины. И ничего в этом нет чрезвычайного или вызывающего, и если христианская древность знала епископов-идолопоклонников, ничего удивительного, если мы их вдруг обнаружим рядом с нами, наших современников, наших пастырей, которые где-то не устояли, как-то поскользнулись. Люди есть люди, и каждый достоин жалости и снисхождения. Даже епископ.

Эти очевидные вещи вдруг вспомнились в связи с фильмом Андрея Звягинцева «Левиафан». Один из персонажей картины – митрополит, который благословляет местного мэра-бармалея на всяческие безобразия, по поводу и без повода повторяя, что всякая власть от Бога. Всё это происходит на фоне трагедии одной несчастной семьи, трагедии скорее внутренней, потому что семья разрушается изнутри, но этот внутренний надлом еще более переживается на фоне противостояния главного героя со злодейским мэром, который хочет отобрать дом и землю у этого горемыки. В этом конфликте, как выясняется, владыка играет весьма активную роль, поскольку земля отбирается не из простой злобности, а под строительство храма. Выходит, перед нами не просто лицемерный митрополит, а самый настоящий епископ-злодей. Отдельные товарищи после таких откровений Звягинцева как-то напряглись, осерчали и принялись клеймить, неразумно расточая накопленные постом силы. И совершенно напрасно, потому что, во-первых, злодейские епископы не новость не только для кинематографа, но, как было помянуто, и для подлинно церковной литературы. А во-вторых, при всех своих достоинствах и недостатках, «Левиафан» хорош уже тем, что дал повод для душеполезных разговоров и плодотворных споров. Спасибо Звягинцеву Андрею Петровичу.

Убийство Левиафана. 1865. Худ. Гюстав Доре

Вспоминается сразу злодейский епископ в гениальной картине покойного Ингмара Бергмана «Фанни и Александр». Епископ там, правда, лютеранский, но ведь тоже живой человек. Он вступает в брак с овдовевшей актрисой, принимает ее в свой дом с двумя детьми, их-то именами фильм и назван – мальчик Александр и девочка Фанни. И начинается противостояние своенравного и невоспитанного Александра со строгим епископом-отчимом. Александру, выросшему в семье потомственных актеров, привычному к богемным нравам, не по вкусу строгость епископского дома. Он – выдумщик и даже немного мистик, а мистики в фильме достаточно. Повсюду разгуливают привидения, которые иногда не прочь и поговорить на разные глубокие темы. Есть в картине и свой «левиафан», пострашнее звягинцевского, поскольку, хотел ли того Бергман или нет, ему удалось вылепить жуткий портрет

«князя власти воздушной». Только именуется этот «князь» в фильме не левиафаном, а ослом. Дело в том, что из лап коварного епископа детей спасает друг семьи, еврей Исаак. Он оставляет их на ночь в своем жутком доме, строго-настрого запрещая им входить в одну из комнат, где находится закрытый со всеми предосторожностями некий Измаил. Но Александр, конечно, попадает в эту комнату и встречается с бесполом существом, которое знает все его злые мысли, всю его ненависть к епископу и своей силой, как бы питаясь злой волей мальчика, наводит на епископа жуткую смерть в огне. Измаил цитирует книгу Бытия, слова ангела, сказанные Агари: «и наречешь имя ему Измаил... Он будет между людьми, как дикий осел; руки его на всех, и руки всех на него» (Быт. 16:11, 12). У меня нет необходимых свидетельств, но мне кажется, что именно этот бергмановский персонаж оказал влияние на Мэла Гибсона, изваявшего в «Страстях Христовых» такой же бесполой портрет врага рода человеческого, чей муже-женский образ намекает на ангельскую природу падшего духа. У Бергмана епископ погиб в огне в страшных мучениях, но фильм заканчивается явлением сгоревшего епископа Александру с фразой «теперь мы никогда не расстанемся». Жуткий фильм, но гениальный. Герои Бергмана трагичны, потому что ему удалось создать портреты живых людей, раздираемых противоречиями. И епископ там не такой уж злодей, и мальчик не ангел. Выражаясь словами одной из героинь «Формулы любви», «статуя тоже женщина несчастная, она графа любит». Все несчастны. Все хотят добра, только видят его по-разному, в этом-то и трагедия нашей жизни, а тот самый «осел» из своего подвала только подогревает ненависть и злобу людскую. Оттого фильм Бергмана оставляет в памяти благородную грусть и немного надежды.

Картина Звягинцева ни грусти, ни надежды не оставляет. К сожалению. И не потому что режиссер замахнулся на якобы безгрешных владык. Епископы тут ни при чем. Как, впрочем, и левиафаны. Маленький человек противостоит огромному государству-левиафану? А где тут государство? И где, спрошу я вас, противостояние? А где маленький герой, которому сочувствуешь? И эта кричащая неправдоподобность персонажей, их непрописанность, отсутствие лиц, характеров и биографий. Ну не бывает таких епископов. То есть творить они могут вещи и пострашнее, чем персонаж «Левиафана», но *так* это в жизни не делают, *так* не говорят, *так* не ведут себя с мэрами, *так* не проповедуют в церкви, и зачем вдруг епископу, а тем более мэру понадобилась именно эта земля, да еще и под храм, когда рядом мирно стоят себе остатки старинного храма с росписями, не могу понять. Мой личный церковный опыт протестует против всей этой фальши. «Царь не настоящий!» Это даже напоминает кукольный театр с навсегда прикипевшей к кукле известной миной и предсказуемой пластикой. Злодейский епископ у Бергмана кажется живым и трагичным персонажем, он колеблется, сомневается, а митрополит Звягинцева больше похож на куклу – статичный и по-кукольному неряшливый персонаж, иногда даже кажется – краской пахнет. За героями Бергмана чувствуется биография, они живые и развивающиеся личности со своими страстями, недостатками, юмором. Герои Звягинцева – прямые, как проволока, они раздражающе примитивны, что еще усугубляется матом и водкой – непременными спутниками жизни пустой и элементарной. Да, у Бергмана тоже есть свой матерщинник – мальчик Александр постоянно ругается грязными словами, но в этом фильме такой штрих по-своему уместен, потому что несет определенную смысловую нагрузку. Одним словом, мне очень понятно, за что Бергман получил целый чемодан «Оскаров», если же «Оскара» получит Звягинцев, я не смогу себе этого объяснить.

Но есть еще один важный и принципиальный для меня момент. Дело в том, что искусство не только отражает действительность, но и творит ее. То, что натворил художник, отразится в реальной жизни, вызовет подражание, даже бессознательное. Такова чарующая сила искусства. Мне кажется, для современной России такие эксперименты, как фильм Звягинцева, – непозволительная роскошь. Русский художник всегда стремился показать правду.

Зачем ему это нужно-то было? Потому что правду скрывали, ее прятали, закрывали ей уста, умалчивали. Какую такую умолченную правду озвучил Звягинцев? Ничего нового он не сказал. Может быть, призвал к сопротивлению злу насилием или на мирный протест? Нет. Вот у Бергмана мальчик сопротивляется епископу, и это так талантливо показано, что хочется просто наброситься на негодея и отомстить, только ведь Бергман показывает очень красноречиво, что никакая злоба не может быть священной, потому она – зло. Я всё ждал, когда же герои Звягинцева начнут сопротивляться, ведь терять нечего, могла бы и жена-изменница не в пучину бросаться, где мелькала спина Левиафана, а пойти, например, мэра прибить, – всё равно ведь уже.

Бегемот и Левиафан. Около 1805–1810. Худ. Уильям Блейк

Мне недавно показали небольшой ролик о том, как на русских дорогах красиво и предупредительно ведут себя русские водители, полицейские и простые прохожие. Вы знаете, захотелось жить. И я уверен, что этот краткий фильм вызовет волну подражаний. Потому

что людям нужно помогать в том, чтобы быть добрыми, и самое массовое из искусств здесь в ответе перед своим народом. Закричат: да ведь это же пропаганда! Конечно. А как же без пропаганды? В каждом деле бывают крайности, но злоупотребление не отменяет употребления. Вещи, описанные в картине Звягинцева, хорошо известны, и даже набили оскомину. А еще есть усталость, страшная жуткая усталость ото всей этой грязи, которую мы видим вокруг и которая так привычно обжилась в кинофильмах. Иногда просто больно, физически больно смотреть картину талантливого художника оттого, что грязь, пошлость, разврат оккупировали эту картину, она дала им право на жизнь. Поэтому так утомительно больно еще и в «Левиафане» слышать тот же мат, видеть то же пьянство, только в еще более сгущенном виде. Ну сколько можно? Ну что же мы всё в грязь лицом тычемся? Людям нужно помогать, и мы все ждем этой помощи от искусства, ждем, что оно научит нас хорошему, покажет, как правильно, как по-настоящему. Мне приходилось сталкиваться, и довольно часто, с ситуацией, когда молодой человек грубил, был невнимателен, не потому что злой или неразвитый. Он просто не знал, как это можно по-другому, его никто не научил. Людям нужно помогать становиться добрее, а не коснеть в озлобленности, в нравственной грязи. И художник имеет к этому самое прямое отношение. Есть ответственность художника перед своим народом. Конечно, не только художника, но и политика, ученого и, безусловно, епископа. Мы все – в ответе за нашу землю. Если Господь позволил тебе родиться на этой земле, стать гражданином этой страны, быть потомком своих предков, ты в ответе за эту землю, за своих близких, с тебя спросится и за память предков, и на суде потомков, не только на Божьем суде, каждому из нас придется отвечать. А потому каждый должен трудиться, с тем чтобы землю, за которую несем ответственность, сделать лучше, передать ее своим потомкам с тем хорошим, что после нас останется. А у настоящего художника слишком много средств для того, чтобы и людям, и земле стало легче дышать.

Без права на злословие

Жаль, что нас никто не предупреждает перед вхождением в Церковь, чем это для нас обернется. В Америке полицейский обязан зачитывать задержанным права, это мы знаем из фильмов, а кое-кто и на собственном опыте. Вступающему в Церковь никто не зачитывает прав, его не предупреждают, что некоторых из них он лишится раз и навсегда. Сначала приходит вера, понимание – потом. Встреча со Христом меняет нас, пробуждает в нас веру, но понимание того, чем это нам грозит, какими дарами и потерями, – это откроется позже, не сразу, по мере зрелости, «в меру возраста Христова».

Христиане ущербны, они поражены в правах, потому что у них нет совершенно естественного права, доступного каждому, – права на ненависть, на законную злость. Более того, не только ненавидеть и питать злость нам запрещено, Господь требует от нас большего. Не сдержанности в злобе Он хочет не элементарных норм приличия, не простого подавления вражды. Он заповедовал нам – и это именно *заповедь*, то есть предписание – благословлять наших врагов, и это вменено нам в обязанность. В Нагорной проповеди Спаситель учит: если мы хотим быть настоящими детьми своего Небесного Отца, мы должны исполнить заповедь – «любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5:44). Это очень важно: не – терпеть, выдерживать, мириться, пытаться понять, простить, то есть мужественно *пре-терпевать*, занимая позицию страдательную и мученическую, а *активно* желать злодеям добра, подтверждая свою благожелательность действием. При этом любить, благословлять, благотворить и молиться я должен искренно, от всего сердца, нелицемерно. Если бы речь шла об отношениях с близкими, друзьями, единоверцами, это еще можно было вынести, но всю эту горячую любовь я должен изливать на кого? – врагов, проклинателей, ненавистников и гонителей, которые бойко и неудержимо желают и делают зло именно мне. Как это возможно? Почему у нас нет законного права на ненависть?

Вот пророк Исаия сокрушается: «Беда мне, беда мне! увы мне! злодеи злодействуют, и злодействуют злодеи злодейски» (Ис. 24:16). Изящно сказано. Сильно. Картина, известная каждому. Если у вас есть брат или сестра, то хотя бы раз в жизни вы собирались с ними расправиться. У меня три брата, и были времена, когда я всерьез подумывал их прибить. Это было в детстве. Чем взрослее мы становимся, тем изощреннее злодействуют злодеи. Нас предают, над нами издеваются, нас унижают, и это можно еще было стерпеть, но, когда на твоих глазах глумятся над твоими близкими, хамят твоим родителям, мучают, убивают детей – пусть и не твоих, но *живых* людей терзают, как это вынести, как, скажите? Как благословить злодея? Строчка из Андрея Дементьева: «Перед грозной памятью людской разливалась ненависть рекой». Это о людях, переживших ужасы войны, и нам всегда говорили, что их право на ненависть священно: они видели смерть близких, пытки, расстрелы, казни, они сами перенесли голод и знают цену хлеба. Что мы, благополучные горожане, скажем *этим* людям, как до *них* донесем заповедь о любви к врагам? Я не знаю. Мне кажется, что о любви к врагам нельзя говорить, ее нужно хотя бы один раз увидеть. Христианская древность благовествовала не столько словом, сколько поступком. Люди видели лица и глаза тех, кто горел любовью к человеку, в ком не было даже тени ненависти к врагам и гонителям.

Пророк Исаия. XII в. Мозаика собора Св. Марка

Наш гениальный современник, Сергей Сергеевич Аверинцев, переводчик, богослов и просто добрый христианин, рассказывал своему другу и духовнику о личном опыте благо-

словения. В какой-то обычный день он стоял у окна своей квартиры и смотрел на мирно спешащих москвичей – студентов, старушек, торговца пирожками, таксистов, милиционеров, девушку в берете, грустного малыша с портфелем, – и неожиданно Сергей Сергеевич почувствовал неудержимое *желание благословлять* всех, кого он увидел, каждого человека – от радости, что они есть, живут, движутся и существуют. Замечу, что у академика Аверинцева, полиглота и эрудита, были все основания презирать этих копошащихся человечков – так и поступили бы известные персонажи Гессе или Сартра, у которых пошлые, необразованные людишки, этот вульгарный народец, погрязший в болоте популярной культуры, будил лишь тошноту. А вот нашему академику хотелось благословлять. Обязательно найдутся товарищи, которые укажут, что на самом деле у Аверинцева выиграло высокомерие, но особого рода – религиозная надменность: я, знающий и понимающий богослов, – «Тимея» читали? – я переводил! – имею полное право благословить эту невежественную толпу, снизить до их серой жизни своим превыспренным благословением. Тот, кто хоть раз видел или читал Аверинцева, никогда так не скажет. Он был добрый христианин. Он был – настоящий. Однако заметим тот важный момент, который может быть и не совсем осознанно, но выделяется нами в осмыслении опыта благословения – момент права и иерархичности.

В акте благословения присутствует скрытый элемент иерархичности. Читаем в Писании: «Без всякого же прекословия меньший благословляется большим» (Евр. 7:7). У старшего есть право благословлять младшего по иерархии. То, что мы воспринимаем благословение большей частью в правовом контексте, подтверждает и наша церковная речь, мы говорим: «батюшка не благословил», то есть не позволил, не разрешил; «кормить нищих – нет благословения», то есть не разрешается. Наши родители, как старшие в иерархии, выражают свое согласие на брак или уход в монастырь, благословляя своих чад. Их благословение как бы легитимирует выбор детей. Право благословлять подчеркивает особую власть благословляющего. Но это еще не объясняет нам, что же значит благословение само по себе. То, что у меня есть право писать роман, еще не объясняет, что есть творчество по своей сути. Современная церковная речь свидетельствует, что в нашем сознании возобладало правовое понимание благословения. Но есть и иное. Назовем его харизматическим. За пояснениями вернемся к Аверинцеву В его случае желание благословлять было не симптомом осознанной власти, собственного величия, с высоты которого он снисходит к плебсу, толпе, его потребность благословлять не от высшего права, а от избытка доброты, активной доброжелательности к людям.

Даже дети способны различить в слове «благословение» очевидную двусоставность: «благо», то есть добро, и «слово». Наше родное «благословить» соответствует греческому *ευλογεῖν*, состоящему из *ευ* – «благо», «добро» и *λόγος* – «слово». Так устроено и латинское *benedicere*: *bene* — «хорошо» и *dictum* – «слово», «выражение». Русское слово «благо» сейчас считается устаревшим и малопонятным, его можно заменить на более понятное «добро», – и получится не «благословение», а «добро-словие». И что же это значит? Благословлять – значит произносить хорошие слова, нежные выражения, учтивые фразы? Очевидно, что комплиментами благословение не исчерпывается, хотя и простая учтивость и доброе обхождение это уже немало, и каждый из нас, даже самый сильный человек, временами нуждается в ободрении добрым словом. Но благословение, как его понимают христиане, обязано идти от сердца, от его переполненности добром – «от избытка сердца глаголют уста» (Мф. 12:34). То есть еще до добро-словия, человек должен быть преисполнен добро-желательности ко всем, доброго расположения, которое не дробится избирательностью, но вспыхивает неудержимым ликованием, удивлением и благодарностью, глядя на все живое. Именно так Господь смотрит на нас, и к рождению такого взгляда нас призывает Спаситель: «да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5:45).

Добро-словие вменено нам в обязанность. А еще ободряет то, что мы и Бога должны благословлять, то есть Ему удивляться и радоваться и, если так можно выразиться, Его ободрять к жизни. Как часто в церкви звучат эти дерзновенные слова: «Благослови, душе моя, Господа»! И что же всё это значит? Почему это важно? Как это работает? Как работает, мы уж точно не знаем, но работает, это уж точно. Благословение – это своего рода высказывание-действие, высказывание-волеизъявление. Есть какая-то сила в этом добро-словии. Мне кажется, что подлинное благословение есть порыв жизни. Благословляя, мы как будто делимся своей жизнью, отнюдь не теряя силы жить, а, наоборот, в этой самоотдаче и жертве добра уподобляясь Творцу, самих себя приобщаем божественной жизни. В порыве благословения совершается круговорот любви в природе, который и есть круговращение жизни, а для христианского мироощущения любовь и жизнь тождественны, они просто совпадают. Как это удачно выразил А. К. Толстой:

«И вещим сердцем понял я,
Что все рожденное от Слова,
Лучи любви кругом лия,
К нему вернуться жаждет снова».

Благословляя – друзей, врагов, кошек, жирафов, – мы вступаем в это священный круговорот любви и жизни, мы священнодействуем, то есть осуществляем свое прямое служение в этом мире – служение детей Божиих, Его наследников, царей и священников. У апостола Павла есть самое понятное определение любви: «любовь не делает ближнему зла» (Рим. 13:10). Но просто «не делать» – это мало. Благословение есть активное желание добра всему миру, оно само по себе есть акт, действие. И право и обязанность благословлять принадлежит каждому человеку, а не только священникам. Благословлять – это не просто правильным образом складывать руки и произносить сакральные формулы. Весь мир живет благословением, добро-словием, добро-деланием, добро-желательством. Благословение – естественная реакция человека на то, что *есть*, существует, бытийствует, это благодарное восхищение живым. Благословлять – значит заключать в свои объятия всех детей Божиих, и Бога, и самих себя добро-словить и «перецеловать все вещи в мироздании», иногда с благодарностью, иногда со скорбью и слезами, потому что наш мир поражен болезнью и, стало быть, еще больше нуждается в нашем благословении.

Благословение. 1901. Худ. Фирс Журавлев

Благословляющий взгляд и сердце следует воспитывать. Это своего рода духовное упражнение, когда каждое утро я начинаю с благословения и славословия, обнимаю и целую Бога и мир через молитву и благодарение. В этом нет ничего уникального. Ведь мы – дети Божии, и, вставая и ложась спать, так естественно детям обнять своих родителей, братьев и сестер, и все наши обиды и огорчения – внутри одной семьи, и мы как-нибудь разберемся, Папка всех помирят.

Весь мир ждет от нас благословения как ободрения к жизни. Это не просто наша миссия, но и дар, но, как всякий дар, он может быть извращен. Многие люди боятся проклятия, и не напрасно. Проклятие есть благословение наоборот. Если благословение дарит жизнь, то проклятие способно эту жизнь отнимать. В проклятии не добро-словие, а зло-словие. Как близки эти два разных действия хорошо показывает латынь: *benedictum* – благословение (добро-словие) и *maledictum* – проклятие (зло-словие). В благословении – ободрение к жизни, в проклятии – отрицание жизни, активное желание и пожелание небытийности. В этом смысле осязаемо-грубое и угрожающе-осуществимое «получишь в бубен» менее опасно, чем интеллигентно-брезгливое «чтоб ты сдох». Классический пример проклятия мы найдем в книге Иова. Сокрушенный бедами, гибелью детей, внезапной нищетой, одиночеством и болезнями, Иов «отверз уста и проклял день свой и сказал:

Да сгинет день, в который рожден я,
и ночь, что сказала: “Зачат муж!”
День тот – да будет он тьма,
Бог с высот да не взыщет его,
да не сияет ему свет!
Смертная тень да емлет его,
да обложит его мгла,
затмение да ужаснет!

Ночь та – да обладает ею мрак,
Да не причтется она к дням годовым,
в месячный круг да не войдет!
Ночь та – да будет неплодна она,
да не звучит в ней веселья клик!
Да проклянут ее клянущие день,
те, что храбры Левиафана ярить!»
(Иов. 3:3–8).

Обратите внимание: Иов проклинает свой день рождения! Как бы жутко от этого ни было, это очень современное занятие, многим понятное и близкое, порождающее порой даже ненависть к родителям за то, что пустили на свет: «Да сгинет день, в который рожден я». Этого дня не должно *быть*. Иов будто зачеркивает свое собственное бытие, проклиная себя, отказываясь быть, отрицая бытие всех своих возрастов, состояний и событий. Как и благословение, проклятие тоже как-то *работает*, хоть мы и не знаем как. Проклиная, мы пробируем брешь в жизни – своей ли или ближнего, – «дырявим» само полотно жизни. Но проклинать иногда очень хочется. Бывают дни, когда мы позволяем себе это опасное зло-слово, проклиная свою страну, детей, близких, врагов, свой город. Это активное пожелание зла, способное вызывать это самое зло к жизни. Об этом даже думать страшно, но давать место злу, вызывать его к жизни – это что-то совершенно жуткое и уж совсем недостойное звания человека. И было бы очень страшно жить на земле, если бы Сам Господь не полагал пределы проклятию. Ведь не только мы можем проклинать, но и нас, а это отрезвляет, пугает и настораживает. Но очень утешает фраза из книги Притч: «Как воробей вспорхнет, как ласточка улетит, так незаслуженное проклятие не сбудется» (Притч. 26:2).

Да, у нас очень много поводов для проклятий, но и мир, и Бог ждут от нас не только сдержанности от зложелательства, но и активного добро-слова. Подлинные христиане подобны деревьям: как деревья дают нам дышать, выделяя кислород, так и ученики Христа должны разливать вокруг себя благословение, излучать доброту и доброжелательность. Как естественно людям дышать, так для христианина должно быть естественно благословение, а навык к добру так должен укорениться в нас, чтобы мы просто разучились не только желать зла, но даже думать о нем. Великий Януш Корчак писал в своем дневнике: «Я никогда никому не желал зла, я не знаю, как это делается». Читаешь и – не веришь! Неужели есть такие люди, которые даже не знают, как это – желать людям зла? Выходит, что есть, и доктор Корчак как раз из тех свидетелей, что дали себе перерезать горло. Трудно сказать, по силам ли нам приучить себя к благословляющему взгляду, к постоянству в добре. Вполне возможно, что это благодатный дар, который нельзя взять силой, о нем можно только просить. Но отучить себя от злословия и зложелательства – это нам по силам, с этим мы справимся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.